

ставленія разныхъ формы идеализаціи реально-существующаго, гр. Толстой, однако, не ушелъ отъ своего личнаго субъектизма, проявившагося, какъ мы увидимъ, въ его социальномъ индифферентизмѣ, съ которымъ, конечно, трудно философски понять реально совершающуюся исторію. Въ связи съ этимъ стоитъ его идеализаціи безсознательной жизни. На эту сторону мы теперь и укажемъ, ссылаясь на слова самого гр. Толстого, но прежде нужно разсмотрѣть его отношеніе къ тому, что мы назвали идеологіей.

Вопросъ идетъ о реальной силѣ, производящей историческія явленія. Нѣкоторые историки видятъ эту силу во власти, но сама по себѣ власть есть отвлеченное понятіе, обобщающее массу реальныхъ отношеній, и, какъ таковое, не можетъ быть принято за какую-то силу, производящую историческое движеніе, относящуюся къ явленіямъ, какъ причина. Это понятіе вполне примѣнимо во всей своей отвлеченности къ умозрительнымъ наукамъ, но въ области исторіи, имѣющей дѣло съ реальными фактами, нельзя за причину считать то, что есть только отвлеченное понятіе. «Наука права,—говорить гр. Толстой,—разсматриваетъ государство и власть, какъ древніе разсматривали огонь, какъ что-то абсолютно существующее. Для исторіи же государство и власть суть только явленія, точно такъ же, какъ для физики нашего времени огонь есть не стихія, а явленіе» (VI, 246). Отрицая возможность вмѣщать жизнь народовъ въ жизнь нѣсколькихъ людей, онъ указываетъ на то, что «связь между этими нѣсколькими людьми и народами не найдена». «Теорія о томъ,—продолжаетъ онъ,—что связь эта основана на перенесеніи совокупности воли на историческія лица, есть гипотеза, не подтверждающаяся опытомъ исторіи... Въ приложеніи къ исто-